

Александр Драбкин

Пора возвращаться

Стихи

* * *

Всё, что хочется стереть
В мыслях, в памяти, в блокноте,
Не надейтесь, что сотрёте
И не будете жалеть.

И не будете жалеть,
Что знакомая картинка
Таёт на ладони льдинкой,
А лица не разглядеть.
Парк осенний, две качели,
Девочка из параллели
И холодное – не сметь.

И холодное – не сметь.
Самому себе в угоду
Клясться, хныкать на погоду,
Если очень просят – петь.
Проводы, тоска стройбата,
Грунт ангарский под лопатой,
Сны и письма, холода,
Осень, новая подруга,
Дом. Потом опять по кругу
Семьи, дети, города.

И уснувшая звезда.
Это мама жарким летом
Вдруг ушла из Назарета
И, похоже, навсегда...

Мне собрать бы хоть на треть
Не забавы детской ради
Жизнь в одной большой тетради,
Где ни строчки не стереть.

* * *

Боже! Что же с нами стало?
Ни мечты, ни бытия.
Нас с тобой осталось мало,
Нас осталось – ты да я.

Для тебя светило светит,

Для меня тускнеет свет.
Дом, жена, работа, дети...
Счастья, извините, нет.

Есть дороги, держат ноги,
Сны до первых петухов.
Строки, рифмы есть и слоги,
Почему-то нет стихов.

Осень. Грустные заботы,
Скоро снег, а сердце ждёт.
Может, хоть перед отлётом
Птичка в сердце запоёт.

* * *

Возраст начинался с мелочей,
А доселе не было печали.
Не летели угли из печей,
Дети до поры не огорчали.
Милые капризы сентября,
Дни рожденья ждал.
Пришёл – некстати –
Грустный листопад календаря,
Как напоминание о дате.

* * *

«Баба Леба, сядь на небо,
Я тебя не буду бить...»
Ох! Давненько в школе не был,
Нынче надо бы сходить.

«Буря мглою небо кроет...» –
Мне нашёптывает класс.
Дрожь в коленках у «героя».
– Драбкин, что на этот раз?

Осень, дождик, тучи серы,
Две ехидны вслед орут:
– Мы вступили в пионеры,
А таких вот не берут.

В кляксах синяя тетрадка,
В урну выброшен дневник.
Ты о чём вздыхаешь сладко,
Бестолковый ученик?

Без портфеля быть негоже...
Первоклассник угадал.

Он как друг сказал: – Я тоже
На уроки опоздал.

1 сентября 2007 года

**Памяти второй школы
г. Биробиджана**

При деревьях старый сквер
Станет немощным и голым,
Архитектор-изувер
Сдал под снос вторую школу.
Ту, вторую, там я был
Не всегда любимым сыном,
Слёзы лил, баклуши бил,
Радовался карантинам.
Ту, где мамочка моя
На родительских советах
Всё грозила сыновьям
От стыда уйти со света.
Если тщательно читать
Тех советов протоколы,
Можно плакать и устать,
Бедная вторая школа.
Осыпался потолок
Над согретой мною партой,
Там, где усидеть не мог
После середины марта,
Потому что под окном
Вне сезона птицы пели
Мне и Светке. Я потом
Нёс до дома два портфеля.
Ей писал: «Давай дружить»,
Ждал со страхом, что ответит.
И не мог без Светки жить...
А сейчас у Светки дети.
Мир, что нами был любим,
В этих стенах рухнет скоро.
Мы со Светкою стоим
Возле школьного забора.

Здесь с тетрадного листа
Начиналась жизнь на свете.
Жаль, что нам с тобой в полста
Это заново не светит.

* * *

Где-то в верхах
блещет в мехах

зрелость.
Чтоб не зачах,
в старых стихах
греюсь.
С чьей-то строкой
рядом спешу
выше.
Плохо дышу,
вместо стихов –
вирши.

Что же ты, друг,
вышел за круг?
Пусто.
Скошенный луг,
выпрягли плуг
чувства.
Лёд по ночам,
старый очаг
стынет.
Вымерз причал.
Может, к врачам?
Стыдно.

В солнечный круг,
там, где вокруг
детство,
в ласковый свет
синий билет.
Греться.
Чистый июль,
вместо пилюль,
кварца...
В душу принять –
можно опять
драться.

Утро

Этим утром детство, как музей,
Посетил и очень удивился.
В нём осталось несколько друзей,
Здесь вы, пацаны? А я простился.

Там пылился спрятанный дневник,
Бабушкины строгие порядки,
Гриф гитарный, стопка ветхих книг,
Сбитые боксёрские перчатки.

Мама мыла рамы по весне,
Саша кушал кашу со скандалом.

Всё, что много значило во сне,
В жизни ничего не означало.

Лучик примостился у лица,
Но звонил будильник – хватит греться.
Детство растворялось у крыльца.
Я б догнал, да не успел одеться.

16.06.07

Ирине Р.

Увидишь, как станет светлей,
Ещё до снегов потеплеет,
И каждый, конечно, сумеет
На слякоть смотреть веселей.
И злости объявят запрет,
А впрочем, запрет мне не нужен.
В оправе сентябрьской лужи
Я вдруг разглядел твой портрет.

* * *

Дело было этим летом.
Время? Помнится – чуть свет
Встретил женщину, при этом
Ей представился: поэт.

А она сияла светом
Искры Божьей, и в ответ
Лишь заметила на это:
– Ну, подумаешь, поэт.

Я проездом. Балерина.
И увы. Должна спешить...
Счастье не бывает длинным,
Грусти крылья не пришить.

По перрону черти пляшут,
День неряшлив. Вороньё...
Если бы назвался Сашей,
Знал бы, как зовут её.

* * *

Позови меня в дождь –
Я приеду по улицам мокрым.
В небе призрачно-блёклом
Сигаретная дымная дрожь
Сонно вяжет узоры
Из сумрачно-серых волокон.

Занавесь ими окно
В день, когда ты меня позовёшь.

Позови меня в дождь —
В дождь случайный никто не приедет.
Сквозь дозоры соседей
Незаметно меня проведёшь.
Будем просто молчать
И мечтами дождливыми бредить.
Я боюсь не заметить
День, когда ты меня позовёшь.

Позови меня в дождь,
В дождь, пока не закончилось лето,
На озябшей планете
Водосточных кларнетов галдёж.
Подбираю слова,
Чтоб потом положить их в сонеты
И прочесть, но об этом —
В день, когда ты меня позовёшь.

* * *

Когда-нибудь, очень давно,
Устав от столетней разлуки,
Мы сходим с тобою в кино,
Где будем держаться за руки.

Впотьмах, на последнем ряду
В побеге из белого плена
На ощупь удачно найду
Колено... и выше колена.

На пике экранных страстей,
Куда не пускают в шестнадцать,
Не будет ни жён, ни детей,
И внуки ещё не родятся.

А дальше... Зачем нам кино?
За дверью остывшего лета,
Когда-нибудь, очень давно
Мы даже не вспомним про это...

* * *

В том никто не виноват,
Что в разгаре листопад,
Что листва на ветках
Года не живёт,
Что приходят холода,

Крепче ветер, и тогда
Под зонтами замерзает народ.
Не поставишь под ответ
Никого за то, что нет
У природы

одинаковых лет.

Потому – какой же спрос
С тех, кто с ходу – под откос
Из вагона, заплатив за билет.
Не предъявишь никому
Счёт за эту кутерьму.
Позвала природа-мать
– полетать.

Да к тому ж который год
Пассажира кто-то ждёт,
Ездит рядом,
А пешком не дойдёт.

* * *

Никуда от холода не деться,
Сколько тёплых слов ни говори...
На ладошке засыпало сердце
В ночь, когда тебе его дарил.

Ощущая трепетное что-то,
Сердце не витало в облаках.
Почему-то ёжилось, и всё тут
От холодных снов в чужих руках.

А потом, когда звезда качнулась,
Что-то мне желая подсказать,
Сердце повертелось и проснулось,
Потому что стало замерзать.

* * *

Не нужно просыпаться ровно в восемь,
Меняется обычный распорядок.
Я погружаюсь в сказочную осень,
Где отпуск обещает листопады,
Тебя, такую нежную, как песня
Со старой, ещё маминой пластинки.
Послушай и, пожалуйста, не смейся,
Не то споткнушь на первой паутинке.
На первом вдохе потеряю голос,
Не подпою забытому шансону
И опустею, как пустеет колос,
Оставленный в меже на поле сонном.

* * *

Я грешил на погоду
И в начале начал,
Снегопаду в угоду,
О тебе заскучал.
Всё мечтал, что немного
Оторвусь в суете.
Загадал на дорогу,
Но дороги – не те.
Мимолётные встречи,
За объездом – объезд.
Час от часу не легче
С переменою мест.
Примелькались распадки,
Скучен ход по следам,
И всё те же повадки
У гостиничных дам.
Размечтался – и в слякоть,
Проморгал поворот:
Понаставили знаков,
Вот ведь дурыт народ.
Перепутал, прощёлкал –
Разве в этом беда?
И не выспался толком,
И попал... в никуда.

* * *

Простите, ваше время истекло,
На трассах гололёд, в зимовьях тесно.
Хрустальной чаши битое стекло
Рассыпано по скатерти небесной.
Всё, что казалось звёздами, – мираж.
Остыло то, что раньше грело душу,
И при заходе на шальной вираж
От скорости закладывает уши.

Но нас не сдаст знакомый перевал,
И звездопад – к удаче на дорогу.
Кто эту жизнь когда-то затевал,
На слабых не рассчитывал, ей-богу.
Он бы скучал от грустных новостей,
Что, дескать, мы усталостью болеем.
Пусть лучше стынет кровь от скоростей –
Душе в полёте легче и теплее.

* * *

Сентябрь. И никого не ждёшь.
Часы – и те шаги замедлили,
И в окна посекундно дождь
Стучится гостем надоедливом.

Его назад не развернёшь,
Не нагрубишь, не спустишь с лестницы.
Неласковый, нелетний дождь,
Как ошалевший призрак, бесится.

Пусть вечер порастёт быльём –
Незванный дождь хуже татарина.
Назло дождю мы льём и пьём.
Нам вечность Господом не дарена.

Кто жив, кто весел, кто не стар –
От злой судьбы душой не злея,
Давай за дождь и за татар,
А водки хватит – за евреев.

* * *

Вёсла легки, да, видать, река тяжела.
На перекатах – крах, и проклято дно.
Может, напрасно вместе со мной пошла
Женщина-сказка? Мы заблудились, но...
Пахнут стогами соломинки тёплых волос,
И потекает мыслям бродяжьим лес.
Там без ответа на самый больной вопрос
Лишь журавлиный стон из-под небес.
В пасмурном рае счастья недолог век,
В детство играя, глупо идти в бега.
Как ни стараюсь, милый мой человек,
Вёсла цепляют старые берега.

Я пошёл гулять по детству

Радуга – не наглядеться,
Плачут рожи редких туч.
Я пошёл гулять по детству,
Спотыкаясь, падать с круч.
Я пошёл плескаться в речке
С самым чистым в мире дном.
В темноте шептать словечки,
Чтоб сердечко ходуном.
Я в мечтах отважный самый,
Сам – до ужаса худой,
Чуть чего бежал за мамой,
Тоже очень молодой.
До надрыва мучил глотку

И хрипел на грани сил.
Всё про друга да про водку...
Сам тогда ещё не пил.
Лез в сарай, где меньше спроса,
И, пытаясь взрослым быть,
Там окурок папиросы
Лихо пробовал курить.
А потом до боли кашлял,
Даже плакал, смывшись с тень.
Это всё был день вчерашний,
Самый, самый лучший день.

* * *

Пора возвращаться
в далёкий заброшенный двор,
Где тихо, да так,
что соседский петух просыпает,
Где день отступает
за ветхий зелёный забор
И солнечный луч
наважденьям из снов уступает.

Пора поклониться
картавым своим старикам,
Сказать, что я вырос –
очкарик, босяк и повеса.
Спросить: почему мне,
как девушка, снится река,
И остров песка, и стол
под дырявым навесом.

Возьмите назад,
облачите в босяцкий прикид,
В разорванных кедах
впустите в кривую беседку.
Пусть бабушкин взгляд
мне за шалости ставит на вид,
А я через стыд
принесу извиненья соседкам.

Простите меня,
я всегда и во всём виноват:
Не вовремя плакал,
и вовсе не к месту смеялся,
Вставал на уроках,
когда не велели вставать,
И шёл не туда,
и в итоге – не там оказался.

Я в школьную осень

запирал и совесть, и стыд,
Любил – так и вовсе,
кого не велят по канонам,
Был резок и даже
однажды «поставлен на вид»
За грубость, а дважды
за то, что ходил по газонам.

Простите меня
за свои и чужие стихи,
За те, что писал,
и за те, что учил не к урокам.
Всевышний послал нам стихи,
чтобы прятать грехи:
В стихах от истока
любовь не считалась пороком.

«ДО» И « ПОСЛЕ»

лирическая небыль об исходе и возвращении в Биробиджан

Однажды поэт Анатолий Кобенков сказал мне:
– Если надумаешь ещё что-то писать о Биробиджане, напиши фантастику.
– О чём ты говоришь, – ответил я ему. – Я люблю этот город, но какая может быть фантастика о Биробиджане?
Уже после смерти Анатолия Ивановича я вдруг представил себе, что в город мой вернулись те, кто из него когда-то уехал. Именно уехал. Из Биробиджана не эмигрируют, а просто уезжают, чтобы вернуться. Вот вернуться они и что дальше? Как их встретит город и горожане, что скажут им и что они скажут землякам. Это и есть фантастика. Тогда я и написал эти стихотворения и посвятил их Анатолию Кобенкову

Анатолию Кобенкову

На стакане с водкой ломтик хлеба
Высох голубям на угощение.
Другу посвящаю эту небыль
Об исходе и о возвращении.

Вместо пролога

Назаретская история

Бабуля, охранявшая скамейку,
Имела профиль вечного жида.
Нет никого прискорбнее еврейки,
Покинувшей свой город навсегда.

Вопрос, как часто ноющая рана,
Ночами не дающая уснуть:
– Мужчина, вы ведь из Биробиджана?
Ну расскажите мне хоть что-нибудь.

Вам хорошо... вы там... мои сбежали.
Они сбежали – так и мне пришлось.
Вы мне скажите: что, в Биробиджане
На пенсию мне плохо бы жилось?

Я ей сказал: там пенсия – копейка,
И жизнь, что камень, чтоб скорей ко дну,
И есть надел земельный у еврейки –
Со стариком в ограду лечь одну.

Морщинистые щёки задрожали,
И гневом полыхнул уставший взгляд.
– Ну что б ты понимал в Биробиджане!
...Приедь сюда – захочется назад.

* * *

Давно, я уже и не помню когда,
Уехала мамочка следом за братом.
Друзья потянулись искать города,
Где бедным уснёшь, а проснёшься богатым.
Без разницы зимней и летней порой
Прилавки на рынках ломились от фруктов.
Там манная с неба, казалось, горой.
А здесь на талоны давали продукты.
Вернутся, когда позовёт листопад,
Когда по прогнозам изменится ветер.
Вернутся, когда-нибудь, бьюсь об заклад.
Я даже представил, как город их встретит –
Друзья и дожди, переулки, снега.
Машины и дворники, камни и стены.
И слезы, конечно, и теплые сцены,
И зябкой, забытой Биры берега.

Возвращение

Ну, слава богу! Отменили визы!
Таможни нет. Зелёный коридор.
Хаймович, вы смотрели телевизор?
Мы или в сказке или... полный вздор.

Аэрофлот, как раб на ферме, пашет,
Билет упал в цене, как никогда.
Из Тель-Авива прилетают Наши
И снова заселяют города.

От бебехов прохода нет в вагонах,
В багажных отделениях завал.
И толпы, толпы, толпы на перронах
В слезах и столах. Вей из мир. Кто их звал?

Как трепетно забытое «Здорово!»
Сто грамм перцовой, иначе нельзя.
Они устали от бомбардировок
Да просто заскучали по друзьям.

...Я належке, как видишь, без поклажи,
А ты всё та же, через столько лет.
При чём тут свет? Пойдем, и всё расскажешь,
Нас Фира приглашает на обед.

Ночь за окном двухкомнатной квартиры,
Друзья ушли, расслабься, к чёрту грим.
Посуду моет старенькая Фира...
Ну что ж, теперь давай поговорим.

Еврейский гвалт не глушит как прибой,
Во рту почти погасла сигарета.
Ты больше не зовёшь меня с собой?
Ах, некуда! Спасибо и на этом.

Не вдохновил искусственный «Арбат»?
И город до отъезда был добрее?
На идишь?... Нет, почти не говорят.
Китайцев много больше, чем евреев.

Ну что ж ты, брат, застыл, как пионер,
Как будто зад подставил для укола.
Не узнаешь? Да это старый сквер,
А здесь была тогда вторая школа,

Ещё при встрече, говорят «Шолом»,
Как до того, когда мы посидели,
Когда сидели за одним столом.
Когда же мы в последний раз сидели?..

Тогда, я помню, ты сказал – пора,
Но расходиться было неохота,
И мы пошли на пляж, а там Бира...
А пили мы не только по субботам.

Все эти годы видел вас во сне.
И пляж, и город, а когда проснулся,
Купил билет в один из жарких дней,
Сел в самолет и, наконец, В Е Р Н У Л С Я !!!

«До» и «После»

Три аэропорта, два вокзала,
На исходе страсти, нервы, силы,
Как когда-то мамочка сказала:
Жизнь на «до» и «после» поделилась.

Жизнь делить – не половинить шмотки,
Не развод с женой, а много хуже.
Там испито то, что крепче водки,
А сейчас и здесь – кому ты нужен.

Ты вернулся в жизнь без коммуналок,
Где стрелял на пиво у соседки...
Было много близких – стало мало,
Во дворах давно снесли беседки.

Потеплело, да не та погода.
Полегчало – празднует басота.
Нынче б на завод, да нет завода,
Мало проку в городских красотах.

Тротуары вымостили – мило,
Здесь и раньше музыка звучала.
Готэню! Ну где набраться силы
Чтобы эту жизнь начать сначала?

* * *

Почти холодные ветра
На них подули.
Они сдались,
И до утра не дотянули.
И стали вместе говорить:
– Давай забудем,
И друг без друга можно жить,
Живут же люди.

Была всегда надёжной нить,
Да оборвалась.
Им ничего не изменить?
Какая жалость!
И ни к чему сходить с ума,
В такие годы?
Снег, одиночество, зима
И непогоды.

Встреча

С нежностью, краденой, неразделённой
С примесью слёз, надоедливый эхом
Кто-то твердит: ты уехал, уехал
В этом же самом вагоне зелёном.

Кашлял и мял сигаретную пачку,
В чёрном чаду тепловозного смрада

Всё объяснял, для чего это надо,
Верил в удачу, а вышло иначе.

Ты мне звонил, что от пьянки очнулся
Лишь в Тель-авивском аэропорте...
Дай же мне жить, ты опять всё испортил!
Как – почему? Потому, что вернулся.

Двое детей для тебя не помеха?
Будешь работать? А как же! Ты мастер...
Ты же когда-то уехал, уехал...
Стой. Ты куда? Оставайся, несчастье.

* * *

Застреваешь возле переправы,
Не злодей, а сколько лет в бегах.
Берег левый мил, но манит правый,
Сам ты кто, на этих берегах?

Что-то для себя решив однажды,
Карты сдал, и сразу – нечем крыть,
Кем ты был и кем ты стал – неважно,
Как ты жил и как ты будешь жить.

Кажется, подать рукой до дома,
Невесома горсть чужих монет.
Только б не раздумать до парома,
Только б не узнать, что дома нет.

Арон

О судьбе отдельно взятого еврея

Арон седой, как север, и чёрный, как мазут,
Покладистый, как раненая птица,
Не понимал, зачем его везут
На старость «побираться за границей».

Всю жизнь был сыт некраденым рублём
И даже кое-что успел значить.
Любил тайгу, батрачил за рулём,
Жаль – детям не понять, что это значит.

Прекрасный дома в Кармеле, тёплый быт,
Сосед-поляк, как он, такой же жалкий.
Арончик с ним на идиш говорит
О женщинах, о доме, о рыбалке.

О том, какой он грамотный шофёр,

Такой, что, с одобрения завгара,
Заруливал на ночь в соседний двор,
Где проживала маленькая Сара.

А кто он здесь без Сары, без друзей?
Немеешь сразу, как из дому выйдешь.
Вон дети говорят: сходи в музей.
– А что, там есть экскурсии на идиш?

Любви отцовской горькая цена:
Слепой отъезд, солёная подушка.
Под старость опустевшая жена
И лишь во сне свидание с подружкой.

Дядя Арон об этом рассказал,
Когда вернулся, видно, накипело.
Его встречали маленький вокзал
И Сара, что в разлуке постарела.

В Кармеле, где жена лежит, – война,
Горят леса, вчера звонили дети.
Биробиджан, Израиль – чья вина?
Нет никого, кто б мог за всё ответить.

* * *

Вымерзли серые своды осеннего неба,
Боль на погоду, и в лёд превратилась вода.
Словно полгода я в этом городе не был,
Хворь у народа, и в моду вошли холода.
Я и тебя оставлял, не простуженный вовсе,
Да и к тому же оставил в запасе тепла.
Не был неделю, а кажется – целую осень
В выжженных скверах ночами копилась зола.

* * *

Знаешь, давай обойдёмся без грусти,
Ссоры забудем и сплетни опустим,
Выбросим старые письма, газеты,
Душные ночи минувшего лета.

Тоже мне горе – не сладился отпуск,
Вывел до слёз зацелованный отпрыск,
Были дороги туда, где не ждали, –
Ты же не слушал, когда убеждали.

Хватит. Пожалуйста, хватит об этом.
Спишем на возраст, а проще на лето.
Спишем, сотрём и дождями замоем,

Надо быть собранней перед зимою.

Все! Замечательно. Договорились.
Глупыми были мечты, да разбились.
Были советы не те и не к месту...
– Что, успокоился? – Ну, если честно...

Незнакомке

Только прозревший знает,
Что такое темно...
Таких не бывает,
Или бывают в кино.
Такими рождаются
Средь солнечных нежных зайчат.
Ими гордятся
Или вовсе о них молчат.
Таких рисуют
Легким, как тень, пером,
Дурят, рискуют,
Молятся в майский гром,
Ваяют, лепят,
Пока не накроет тьма,
Переходят на лепет,
Потому что сходят с ума.

* * *

В бесконечность играть устали,
Брались за руки, разбрелись.
Чтоб понять друг друга, местами
Поменялись, да испеклись.

Будто было всё понарошку,
Как при споре на интерес.
Нам осталось совсем немножко
По дорожке, что до небес.

И пока не скомкан вечер,
Мне диспетчер сулит прогноз:
Радость нашей короткой встречи
Лучше вечности на износ.

* * *

Ко мне стихи врывались по ночам,
Как сыщики, покой привычный руша,
Проникнув в помещение без ключа
И санкции, обыскивали душу.

Они копались в памяти и в снах,
Толкались у дверей, ведущих в детство,
А дальше в юность, и ломило пах,
Что под угрозу ставило наследство.

И я вставал, брал в руки карандаш,
Чтоб рифмы-стервы нервам не вредили,
Писал и думал, глядя в раскардаш,
Уж лучше б просто бабы приходили.

Сон

Этой ночью приснилась ночь,
Тихий двор в серебре фонарей.
Я бежал от кого-то прочь
До знакомых твоих дверей.
Догоняла меня река
Бестолковых ненужных дел.
–Ты прости, что я без звонка,
Просто очень к тебе хотел...

По ступеням, покрытым льдом,
Подобрав на подъезде код,
Я вошел в незнакомый дом,
А навстречу мне... чёрный кот.

Мимоходом

Спешка, дом, работа,
День не лучше дня.
У тебя есть кто-то,
Кто-то у меня.

В паутине быта
Не расправить плеч.
То окно не мыто,
То не греет печь.

У тебя надежды,
У меня долги.
Заблудилась нежность
В суете пурги.

Поостыли страсти,
Холодней рука.
Мимоходом – «Здрассте»,
На бегу – «Пока».

* * *

И кто же вам сказал, что я проспал
К составу, что ушёл за суматохой.
Не выдохся, и даже не устал,
Я чувствую себя совсем НЕплохо.

Я разомну суставы о лады
Уставшей от безделия гитары,
Чтоб не уснуть, пока цветут сады,
Заманивая в тень шальные пары.

Мне б поскорей сорваться с якорей,
Попутный ветер ухватить за ворот.
Знакомой луже подмигнёт еврей,
В ответ витриной улыбнётся город.

Дедушка Мейер

Даже если постарею,
Буду кашлять и хромать,
Не сумею так, как Мейер,
Достоверно вкусно врать.

Деду Мейеру под сотню,
Он такое выдаёт...
Даже в синагоге сводня
Дурит, (если не поёт).

Мейеру провал не страшен –
Что для нищего грабёж?
Было наше – стало ваше,
Как ты шутишь, так живёшь.

* * *

Неба всегда много,
Но забирай выше...
Поговори с Богом,
Так, чтобы Бог услышал,
Благословил светом,
Крылья носить позволил,
Принял тебя в поэты,
А стихотворца уволил.

* * *

Безбожник в затерянном храме,
С монашкой заблудшей грешу,

Болею чужими стихами
И сам их зачем-то пишу.

За тёплыми стенами спешка
И чья-то тупая возня.
Я в щель подсмотрел: там успешно
Обходятся все без меня.

Народ, озабоченный летом,
Судьбу бороздит без сохи.
Никто и не спросит: где этот,
Который калякал стихи?

Очкарик, наивный до смеха,
В кого-то влюблённый до слёз.
Быть может, он умер? Уехал?
В золу превратился, в навоз?

Не спросит никто, не ответит...
Но счастье, что день изо дня
Играют в песочницах дети,
Рождённые – не без меня.

Прощёное воскресенье

Сегодня – будто встал не с той ноги,
Не той рукой тянулся за очками.
Грехи одолевают, и долги,
И чей-то взгляд с широкими зрачками.

Стоп. Нынче покаяния в чести,
Ошибки и грехи тащи наружу.
Попросишь Бога – «Господи, прости»,
И он прощает всё, чем был загружен.

И я прошу жене холодный чай
И десять лет неглаженных рубашек.
Она простит мне «принеси!», «подай!»
И об изменах не напомнит даже.

Да будет мне прощение сполна
За жизнь, в которой часто безобразил.
Душевный мусор вылижет волна
И унесёт с собою в море грязи.

И вот я снова крепок на ногах,
Как будто чист, но давит ощущение,
Что мне напоминают о долгах
ВСЕ, у кого с утра просил прощение...

18 февраля 2007 г.

* * *

С душою чистой, как у малыша,
Без камешка за пазухой и ниже,
На исповедь ко мне пришла душа,
Чтобы мои ж грехи наружу выжать.

Мы встретились в лесу, наедине,
Я без стихов, она без сигареты.
И долго грели руки на огне,
Который чудом раздобыли где-то.

И над костром, преодолая стыд,
Я от души в который раз услышал,
Кто я по жизни и за что был бит,
Где низко пал и не поднялся выше.

Я должен был всерьез держать ответ
За тех, кого я обманул когда-то.
Уже рука легла на пистолет,
Готовый превратить мгновенье в дату...

В моём окне светил неяркий бра,
Ждал сказку сын, завален стол работой.
Спасибо, что душа была добра
И, к счастью, не готова для полёта.

*«Сладко-сладко мазутом и мятой
пахнет раннего детства земля...»*

Михаил Асламов

Михаилу Асламову

Я как будто попал в чьё-то детство,
Надышался Амуром на славу.
Подарил мне «Подкову в наследство»
Михаил Феофаныч Асламов.

Подарил на добро с тёплым словом
Серенаду лесов побережья,
Песни стойбищ, и вместе с подковой
Очень много добра и надежды.

И в Бире, что пропахла мазутом,
Я теперь торможу, и упрямо,
Улучив от работы минуточку,
Все ищу, где здесь бегал Асламов.

Мои корни лежат в Биракане,
Это рядом, чуть дальше по трассе.

Оказались мы с ним земляками,
Потому наши души в согласии.

Я хожу, очарованный летом,
Свято веря в могущество слова.
Стать бы мне, как Асламов, поэтом
Отыскать бы вторую подкову...

11.06.07

Леночке Васильевой

Путёвки в осень проданы, и где-то
Кряхтит планета, ёжатся цветы,
Как хорошо, что в мире есть поэты,
Такие обалденные, как ты.

Скрипач

Выходец из Ветхого завета
Или, может быть, ещё старей
Дядя Сёма, переживший гетто,
Цыган и совсем чуть-чуть еврей.

Скрипка, не сверкающая лаком,
С запахом его уставших рук.
И смеялся Сёма с ней, и плакал –
Это был полёт, не просто звук.

Старый узник с солнечной улыбкой,
Нищий, но не жадный до рубля,
Кланялся, лаская нежно скрипку,
Если что-то падало в футляр.

На святых нисколько не похожий,
Живший хлебом, Сёма не тужил,
Если долго слушавший прохожий
Ничего в футляр не положил.

Деньги что? И так богат не шибко,
Важен взгляд, внимание, поклон.
Важно, что прохожий любит скрипку,
Ею очарован, как и он.

Голос тёплый, как мечта о воле,
Светлый, как рисунок из берёз,
Наполнял округу русской болью
С горькой капелькой еврейских слёз.

* * *

*Памяти фронтовика
Льва Григорьевича Тойтмана -
председателя еврейской
общины «Фрейд»*

Он лежал в костюме новом
В украшении седин,
Бывший снайпер дядя Лёва
Был кощунственно один.

Встал бы он, сказал солдатам
Удивительную речь:
– Дети, спрячьте автоматы,
От кого меня стеречь.

– С вас конечно не убудет. –
Он сказал бы, если б смог. –
В небесах есть тоже люди,
Земляки... Не только Бог.

Кто пришёл с прощальным словом,
Говорили, что всегда
Без таких, как дядя Лёва,
Сиротеют города.

Нынче умер старый Ребе,
Так и не поживший всласть.
Странно, но звезда на небе
Не потухла, а зажглась.

Баллада о счастливом билете

Счастье где-то колесит по свету,
Только до меня дороги нет.
Помню, как, последовав совету,
Проглотил автобусный билет

Потихоньку, эдак некрасиво,
Не пацан, седая голова.
Но билет по номеру счастливый,
Он на счастье! Так гласит молва.

Проглотил билет, и слава Богу,
Как таблетку, не запил водой.
Счастье вдруг откликнулось изжогой.
Вот дурак, хотя немолодой.

Так и не попал в объятья счастья,
Благо – ничего не потерял.

Знать, советчик несчастливой масти,
Или я в никчёмности застрял...

На примету слаб, грешок имею,
Мне билет – что экстрасенсов рать!..
Всё играю с жизнью в лотерею,
А её никак не обыграть.

Биробиджанский раввин Мордехай Шайнер и его жена Эстер прожили в Биробиджане восемь лет. А до приезда сюда он был заведующим отделом культуры в мэрии города Иерусалима. Эстер – замечательная художница. Своими руками она создала музей в синагоге.

*У них шесть детей, и они все вместе молились за этот город.
Они уехали, когда Эстер должна была родить седьмого ребенка.*

Биробиджанскому раввину Мордехаю и его жене Эстер

Видно, кто-то есть на небе
И не хлебом жизнь ценна...
В синагоге только Ребе
Да ещё его жена.

Иудейская усталость,
Вечный путь неодолим.
Кормит Тора, греет талес,
Светит Иерусалим.

Тоже, скажете, – не много
Для нездешних горожан.
Им хватает. Просят Бога,
Чтоб согрел Биробиджан,

Чтобы в нём царили Вера,
Жизнь, Любовь и Красота...
На Востоке тучи серы,
В синагоге пустота.

Бабушка Эстер

Слушайте здесь, и молчите до времени,
Иначе будет не самое лучшее.
Бабушка Эстер свою точку зрения
Просто не выскажет – только по случаю.

Только когда обсуждает с соседками
Чьи-то болячки, их много у всякого.
Вдруг разразится проклятьями редкими,
Вспомнив при этом покойного Якова.

Даже не делайте вид, что не слышали,
Эстер не просто особенность нации.
Бабушкин голос грохочет над крышами
Громче динамика в день демонстрации.

Прощание с израильской гостьей

Нагостилась. Прощай, Россия.
Улыбнись.
Самолет. Москва. Наария.
Заждались.

Отпуск вышел, конец программе.
Крылья ввысь.
Если сможешь, Наташка, маме
Поклонись.

К ней тропа ещё не остыла
Столько лет,
Без меня стоит у могилы
Назарет.

Извинись, что тогда не сразу
Прилетел.
Не простился, мне хоть бы глазом...
Я так хотел...

Передай, дескать, я в порядке –
Всё бегу.
Мог бы чаще бывать, но вряд ли –
Не смогу.

Накопилось всё, и местами –
Невтерпёж,
Так случилось, но это маме
Не донесёшь.

Отложил свою жизнь однажды
На потом.
Каждый год, каждый месяц, каждый...
За бортом.

Так что ты лети без оглядки
В добрый путь
С Богом! Лёгкой тебе посадки.
Не забудь...